

Весь замок был охвачен волнением, все спешили подготовиться к импровизированному турниру, который устраивал принц. Больше всего радовались те, кто хотел принять участие, особенно после того, как узнали о вознаграждении - каждый участник получит полный кувшин эля, независимо от того, выиграет он или нет, а каждый победитель получит еще один кувшин за каждую победу. Более того, для всех, кто войдет в десятку лучших, были предусмотрены особые награды, а некоторые, более опытные и уверенные в себе, в последнюю минуту уже вовсю тренировались, чтобы к турниру быть в сильнейшем состоянии.

В конце концов, даже за десятое место им гарантировали три личных урока командующего армией замка, капитана Деррека. Для большинства этого было более чем достаточно, и это только награда за десятое место. Награда для победителя была особенно захватывающей, ведь его сразу же посвящали в рыцари и назначали пожизненным личным охранником принца - высшая должность, о которой простолюдин мог только мечтать.

Еще были еще талисманы, специально изготовленные экзорцистом их замка, особое оружие, доспехи, даже занятия по магии, а также постоянные титулы. Даже без этого огонь был бы огнем, так как мало чем еще можно было бы заняться, находясь в глубоком снегу, но награды были подобны озеру масла на вершине бушующего пламени, раздувая его до небес.

Атмосфера была более чем ощутимой - она пробивала стены, как копья, и каждый разговор между любыми людьми сводился к обсуждению турнира - кто может присоединиться, кто может победить, какие награды более заманчивы, и множество обещаний между молодым парнем и молодой девой, знаменующих победу на их имени.

Пока замок горел метафорическим огнем, Сайлас, Аша, Райна и еще одна девушка, личная горничная Райны, Луна, находились в подвале, готовя талисманы. Сайлас еще не успел заржаветь, а вот Райна выглядела так, будто едва сбавила темп. По тому, как она передвигалась по маленькой комнате, было видно, что она, скорее всего, провела здесь много времени, изучая как можно больше в свое личное время, чтобы все получалось так гладко. Плечи ее, как всегда, были тяжелы, и слова были не в силах поднять эту ношу.

Сайлас не считал это странным; в конце концов, она была подростком - и очень упрямым. Как только она решалась на что-то, развеять эту мечту было сложнее, чем вырвать ядро звезды. И она была очень решительна - решительно настроена доказать всем, себе и миру, что она способна быть Экзорцистом, несмотря ни на что. Хотя она все еще спотыкалась то тут, то там, и было очевидно, что ей не хватает координации, она была быстрой и шустрой в "лаборатории", и еще быстрее, когда дело доходило до рисования рун.

В отличие от Сайласа, она помнила все древние руны и усовершенствовала их использование, создавая талисманы, которые были намного сильнее тех, что Сайлас использовал во время защиты замка. Естественно, ни один из них не выдавался в качестве награды - те, что выдавались, были довольно просты, например, защитный амулет, отражающий удар в сердце, или талисман, разжигающий огонь, или усиливающий клинок на некоторое время. Ни один из них не был откровенно смертоносным, хотя некоторые были явно лучше других.

"Ладно, давайте сделаем перерыв", - сказал Сайлас, наливая себе кружку эля и открывая массивный том - он был пуст, вообще-то, и должен был стать его временным дневником, куда он будет заносить каждую крупицу знаний, которые вспомнит, и изучать их дальше. Поскольку он планировал оставаться в этой петле по меньшей мере пять-шесть месяцев, существовала вероятность, что некоторые знания могут ускользнуть от него, а он не мог позволить себе рисковать. Поэтому он решил записывать все в виде кратких заметок, используя перерывы, чтобы посвятить себя этому.

"Что ты пишешь?" поинтересовалась Райна, откусывая хлеб, пока Луна убирала рабочие столы позади них. Последняя сама была молодой девушкой, не старше восемнадцати, и хотя она выглядела несколько неуклюжей, но, по крайней мере, не казалась плохим человеком.

"История любви", - ответил Сайлас. "Как эксперт по любви к кому-либо, я мог бы использовать твой вклад".

"Фу", - простонала Райна, хотя покраснела еще больше, опустив голову. "Ни за что".

"Ты стала лучше это скрывать", - усмехнулся он. "Хотя все еще не очень хорошо".

"Оставь ее в покое", - мягко оборвала его Аша. "Не слушай его. Никто не знает".

"Правда? Потому что вы двое знаете. А теперь и Луна знает", - добавила Райна. "И я уверен, что все знают, включая Валена".

"Что плохого в том, чтобы знать?" сказал Сайлас. "Я давно, очень давно знал, что Аша на меня запала, но я сдерживал это, понимаешь?"

"Правда?" Аша посмотрела на него. "Почему у меня такое чувство, что это не так? Моя память может быть немного нечеткой, но она не полностью стерта".

"Оставим это в стороне", - сказал Сайлас. "Мы ведь уже почти все талисманы разложили по полочкам, верно? Сильнее этих может оказаться слишком сильным".

"Да", - кивнула Райна. "Честно говоря, даже они... сомнительны. Если бы ты не подталкивал меня, я бы их не раздавала".

"Я не давлю на тебя".

"Но ты сказал..."

"О, значит, мои слова квалифицируются как то, что я тебя толкнул?"

"..."

"Конечно", - поправил себя Сайлас после очередного удара локтем. "Не беспокойся об этом. Я лично вдолблю тому, кто их выиграет, что они не игрушки, и что если в мире станет известно, что они владеют талисманами, то их жуткие смерти станут прекрасным дополнением к этой истории".

"Ладно, но серьезно - что ты пишешь?" спросила Райна. Все это время она слышала, как перо прижимается к бумаге, напевая знакомую мелодию.

"Я пишу", - сказал Сайлас, его пальцы не останавливались. "Историю, так сказать. Вещи, которые произошли, и вещи, которые имеют значение. Когда-нибудь в этом королевстве скажут: "Если вам нужна правда, вы не ошибетесь с Сайласом... так сказать, томом истории"? В любом случае, они скажут что-то крутое и лестное, я в этом уверен".

"... ничто не поколеблет твою уверенность, а?" Райна хихикнула, сделав глоток чая. "Я бы хотела, чтобы больше людей были такими, как ты, если честно. Возможно, в меньшей степени, но склоняясь в эту сторону".

"Что? Высокомерные уроды, которые думают, что не могут сделать ничего плохого, пока они поджигают мир своим пердежом, потому что никогда не оглядываются на посеянный ими хаос?".

"Это, возможно, самый красивый способ, которым ты описал себя", - сказала Аша с улыбкой. "Мы определенно куда-то идем".

Когда атмосфера затихла, Сайлас сосредоточился. Многое нужно было записать на бумаге, а многое он уже забыл, молясь, чтобы оно пришло к нему во сне. Однако это становилось все легче, поскольку изрядная часть разрозненных подробностей, полученных ранее, теперь складывалась в некое подобие каркаса - все это не выглядело просто случайными кусками информации, никак не влияющими друг на друга. Это была... история. История, все еще полная дыр, но все же история. Нет, размышлял он внутри себя, это две истории...

Погрузившись в свои мысли, он понял, что причина, по которой большинство вещей не сочетались друг с другом, заключалась в том, что они не обязательно принадлежали друг другу. Это была не просто одна, всеобъемлющая история, в которой все было связано само собой. Это были две истории - история Сайласа, история Валена, история Королевства... и еще одна история, которую он выкопал бездумно, история мертвых, история времен до основания Королевства. Они не имели к нему прямого отношения - только те, которые он сам насильно сфабриковал. Если уж на то пошло, они существовали вне его, а он, наоборот, втягивал их в свои рамки.

Две истории столкнулись, как две лодки, и разлетелись на миллионы мелких кусочков, и теперь он пытался собрать из этих кусочков одну лодку вместо двух. Хотя некоторое дублирование существовало, а именно культисты, работающие с мертвыми и против Королевства и во имя Империи, это дублирование было насильно вытеснено им. Если бы он придерживался "цели", культисты были бы просто мятежниками, с которыми он бы разобрался естественным образом. Он бы не знал ни об их связи с мертвыми, ни о живых, пересекающих границу для совершения грабежей, ни даже о расхождениях между Империей и Королевством.

Хотя ему отчаянно хотелось в это верить... не все было связано. И даже если какие-то связи существовали, они не были жестко закодированы, так сказать, в природе сказок. Большинство из них лежали на полу его снов, мертвые по прибытии, сбивая его с пути. Отложив перо, он сделал глоток эля и стал поглаживать бороду. Он был счастливее, как он понял, от этого.

В конце концов, если разделить ее на две части, то получатся две прилично структурированные истории с несколькими дырами, а не один заросток, у которого, казалось, не хватит затычек для всех протечек, которые он разводил с каждым новым откровением. По крайней мере, теперь он мог разделить все по полочкам. С каждой новой порцией информации, вместо того чтобы пытаться втиснуть ее в рамки, в которые она не вписывалась, у него было два варианта.

Пока что он решил сосредоточиться на проблеме к западу от деревни, на одном из людей, прячущихся в пещерах, сговаривающихся с мертвыми и натравливающих их на замки живых. Это будет одиночное путешествие, он знал - даже с благословения богов Аша все еще была слишком медлительна. С каждым перезапуском ее тело тоже перезагружалось - и, несмотря на благословения богов, она была хрупкой, слабой и медлительной. По крайней мере, первые несколько раз, пока он изучал ситуацию, обстоятельства и их количество, ему лучше было бы побыть одному, предоставив себе свободу, превосходящую ту, что он имел, пока она была с ним. Хотя она будет недовольна и несчастна, это нужно было сделать.

Истинная причина, однако, помимо поверхностных оправданий, была довольно проста - он боялся, что она увидит ту его сторону, которая... не была красивой. Он все еще был зол - сверх всякой меры зол. Злился на то, что мертвые снова и снова приходили к стенам, злился на то, что мертвые причинили этому месту столько боли и страданий. Однако он не мог винить в этом не чувствующих, не думающих мертвецов - но он мог винить живых, которые привели их в замок. Поэтому он боялся, что в первые несколько раз в гневе и ярости он может потерять себя и стать кем-то другим. Тем, кем он не хотел быть... но тем, кто все еще жил и громко бился в его груди, готовый вырваться наружу довольно быстро и резко, если того потребуют обстоятельства.